

Людмила Луцевич

Псалтырное слово в современной поэзии : "Псалом 1" Генриха Сапгира

Studia Rossica Posnaniensia 31, 35-44

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПСАЛТЫРНОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ (ПСАЛОМ I ГЕНРИХА САПГИРА)

PSALTER IN CONTEMPORARY POETRY (ON PSALM I BY HENRY SAPGIR)

ЛЮДМИЛА ЛУЦЕВИЧ

ABSTRACT. The author of the article states that the reference to the psalms in Russian poetry is connected, as a rule, with the significant changes in for this age religious, social and cultural consciousness. The following events are important: the publication of Simeon Polotski's *Rhyming Psalter* (1680); the period of the split in church in the 17th century; searching for the new ways of expression during Peter the Great's reforms; establishing postmodernistic poetry (1960s); first Soviet thaw; perestrojka (1980s); collapsing of the Soviet Union. The poetical transpositions of the first psalms, by the poet H. Sapgir, are the main subject of the article.

Людмила Луцевич, Государственный университет Молдовы, Кишинев, Молдова.

Русская книжная поэзия началась псалтырным словом. Первое опубликованное стихотворное сочинение – это Псалтырь, положенная на силлабику и рифмы монахом Симоном Полоцким. Без преувеличения можно констатировать, что обращение к псалмам связано, как правило, с эпохальными переменами в общественном сознании и в культуре русских людей. Укажу некоторые знаменательные даты:

1680 г. (издание *Псалтыри рифмотворной* Симеона Полоцкого) – период церковного раскола в „бунташном” XVII веке;

1743 г. (острая теоретико-поэтическая полемика об аксиологической значимости метров между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым) – выбор путей новой русской поэзией, порожденной грандиозными Петровскими преобразованиями;

1965 г. (становление постмодернистской поэзии) – период первой советской оттепели;

конец 1980-х – 1990-е гг. (кризис литературы постмодернизма) – время перестройки, развала Союза, восстановления религиозных ценностей¹.

Актуализация Псалтыри в поворотных пунктах русской истории и литературы очевидна. Поэзия, определяемая в момент своего возникновения сутью псалтырного слова, не отказалась от него на протяжении всей своей бо-

---

¹ Есть определенная закономерность в обращении к Псалтыри и в польской поэзии. См.: J. K o c h a n o w s k i, *Psalterz Dawidów* (1579), Z. K r a s i Ń s k i, *Psalmy przyszłości* (1845), T. N o w a k, *Psalmy* (1959–1971), Cz. M i ł o s z, *Księga psalmów* (1978).

лее чем 300-летней истории. Изменялся русский мир, изменялась русская культура. Совершенствовался язык, на котором создавалась литература. И на всех этапах ее развития псалтырное слово занимало позицию всеприсутствия.

Значению *Книги Псалмов* в русской поэзии XVII–XVIII вв. посвящено немало статей² и специальное исследование³. Что же касается изучения псалтырного слова в XX в., то оно по существу только начинается⁴. Особый интерес представляет псалмодика советского и постсоветского периодов. Здесь

² См., например, статьи, посвященные переложениям псалмов **Симеона Полоцкого**: Н. Смирнов, *Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия*, „ЖМНП” (Санкт-Петербург) 1894, № 12; Н.Э. Глокке, „Рифмотворная Псалтирь” Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтири Яна Кохановского, „Университетские известия” (Киев) 1896, № 9; И.З. Серман, „Псалтирь рифмотворная” Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII века, ТОДРЛ, т. XVII, Москва–Ленинград 1962; R. Łużny, *Psalterz gutowany Symeona Polockiego a Psalterz Dawidów Jana Kochanowskiego*, „Slavia Orientalis” 1966, R. 15, № 1; О.А. Державина, *Симеон Полоцкий в работе над „Псалтирью рифмотворной”*. В: Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность, Москва 1982; **В.К. Тредиаковского**: А. Левицкий, *Литературное значение „Псалтири Тредиаковского”*. В: V.R. Trediakovsky, *Psalter 1753*, München 1989; А. Шишкин, *Судьба „Псалтири Тредиаковского”*. В: *Psalter 1753*, ук. соч.; **М.В. Ломоносова**: В. Дорová-Товская, *О заимствованиях Ломоносова из Библии*. В: *Ломоносов*, Санкт-Петербург 1911; О.А. Державина, *Стихотворные переложения Ломоносова*. В: *Ломоносов и русская литература*, Москва 1987; **А.П. Сумарокова**: Л.Ф. Луцевич, *Основные принципы переложения псалмов Сумароковым*. В: *Проблемы литературных жанров. Материалы третьей научной межвузовской конференции*, Томск 1979; *Своеобразие жанра переложения псалмов А.П. Сумарокова*. В: *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*, вып. 4, Ленинград 1980; *Стихотворные переложения псалмов и „Подражания Корану” А.С. Пушкина*. В: *Творчество Пушкина и Гоголя в историко-литературном контексте. Сборник научных статей*, Санкт-Петербург 1999, с. 19–22; **Г.Р. Державина**: Б.Н. Романов, *Духовные стихотворения Державина*. В: Г.Р. Державин, *Духовные оды*, Москва 1993, с. 5–40; Е.Б. Рашковски, *Державин: Библейские мотивы*, „Мир Библии” 1995, вып. 3, с. 84–89; **Ф. Козельского**: J. Dębski, *Wybaw mnie, Panie, od człowieka złego... (Psalm 139/140). Z badań nad przekładami psalmów w poezji rosyjskiej XVIII wieku*. В: *Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*, Kraków 1998, с. 139–142; **В. Майкова**: Е.Д. Кукушкина, *Духовные стихи В.И. Майкова*. В: *Карамзинский сборник. Национальные традиции и европеизм в русской культуре*, Ульяновск 1999, с. 81–86; **Н. Шатрова**: Н.А. Донская, *О некоторых переложениях псалмов Н.М. Шатрова*, „Филологические науки” 2002, № 6, с. 79–85; **А.С. Пушкина**: В.А. Кошелев, *Об отражении Псалтири в поэзии Пушкина*. В: *Библейские мотивы в русской культуре и литературе*, под ред. Ч. Андрушко, Познань 2000, с. 23–30; О. Калашникова, *Стихотворные переложения библейских псалмов в русской литературе XVIII века*. В: *Библейские мотивы...*, ук. соч., с. 13–21; Г.А. Химич, *Варианты прочтения 136 псалма русскими поэтами*. В: *Книга в России. Материалы конференции*, Москва 2001.

³ Л.Ф. Луцевич, *Псалтирь в русской поэзии*, Санкт-Петербург 2002.

⁴ Интерес представляет статья Данилы Давыдова „Псалмы” Генриха Сапгира и современное состояние стихотворного переложения псалмов (из заметок о поэтике Г.В. Сапгира), опубликованная в Интернете. См.: <http://sapgir.narod.ru/texts/criticism/davydov.htm>.

условно можно выделить две линии. Первая определяется деятельностью духовных и светских поэтов. Причем для авторов-священников (иерей Василий, иеромонах Романов, о. Логвинов, о. Константин Кравцов) библейский псалом, как правило, совершенно естественно инспирирует выражение состояния души, предстоящей перед Богом. У светских авторов (Г. Сапгир, С. Стратановский, Н. Байтов, Н. Гребнев, А. Лукашин) такого единства нет, их обращение к Псалтыри определяется зачастую иными причинами. Библейский псалом может стать 1) поводом для выявления существенных знаков времени; 2) попыткой „оживления” вечных тем; 3) демонстративной акцептацией религиозных ценностей.

Другая линия связана с деятельностью переводчиков, стремящихся наиболее точно передать древнееврейский текст на современном русском языке (А. Лучник, Игн. Ивановский, А. Графов С. Аверинцев). Ученые авторы (С. Аверинцев), как правило, не лишены поэтических интуиций. Они, руководствуясь научными принципами, стремятся к максимальному воспроизведению „буквы” ветхозаветного источника (в передаче смысла и ритма). Однако они готовы идти и на ее нарушение, ради выражения „духа” сакрального текста (вступают в силу законы поэтические). Переводчик специально обращал внимание читателя на то, что в отдельных случаях его „опыт не столько перевод, сколько... переложение, аналогичное по жанру старым стихотворным переложениям” и потому он „на правах перелагателя позволил себе в нескольких местах жертвовать ради ритмической энергии вербальной точностью”⁵. В таких случаях речь идет уже о поэтическом тексте.

Особым вниманием русских поэтов издавна пользовался первый псалом, посвященный описанию участи праведника и грешника. К нему обращались Симеон Полоцкий, М. Ломоносов, В. Третьяковский, А. Сумароков, Г. Державин, Г. Пакатский, Ф. Глинка, В. Кюхельбекер, Н. Языков и многие другие.

В псалме нашли воплощение важнейшие концепты ветхозаветных книг – *блаженство, праведность, грех, нечестие, закон Божий, воля Божья, суд Божий, путь добра, путь зла*. Как указывается в святоотеческой литературе, первый псалом выражает сущность всей *Книги Псалмов*, утверждающей единение человека с Божьей волей, требующей исполнения законов Божьих, что, в конечном счете, определяет истинное блаженство христианина. Псалом занимает особое место в общей композиции книги, являясь вступлением, своего рода первоначалом и основанием Псалтыри. Св. Григорий Нисский истолковывал его именно как такое знаменательное предварение: этот псалом „с первых же слов, как бы некую дверь и вход в блаженную жизнь, отверзает нам...”⁶. Современный библиист также отмечает, что первый псалом „не совсем молитва; то есть, не один из тех громогласных, страдальчески-проси-

---

⁵ С. С. А в е р и н ц е в, „*Арфа Царя Давида*”. *Избранные псалмы. Комментарии*, „Мир Библии” 1993, № 1, с. 81.

⁶ Св. Г. Н и с с к и й, *О надписании псалмов*, Москва 1998, с. 41.

тельных или благодарно-ликующих воплей к Богу... Его назначение – другое. Он предпослан всем последующим псалмам, как произносимой молитве предпосылается размышление в тишине⁷.

Русские поэты всегда подходили к переложению первого псалма с особой ответственностью, поэтому и характер освоения этого библейского текста, и формы его художественного воплощения проявлялись, как правило, наиболее ярко, последовательно, выразительно.

История советских стихотворных переложений начинается на исходе оттепели, в период хотя и относительно либеральный, но, безусловно, атеистический, совершенно не располагавший к религиозным интродукциям и рефлексиям. Однако именно в 1965–1966 гг. один из так называемых „барачных” поэтов – Генрих Сапгир (сейчас о нем пишут как о самом масштабном поэте послевоенного поколения⁸), создает свою книгу *Псалмов*⁹. Книга включала четырнадцать стихотворных переложений (1, 2, 3, 6, 16, 55, 57, 69, 116, 132, 136, 143, 148, 150 псалмов). Напечатана она, естественно, быть не могла, но среди московских шестидесятников была известна. Эта книга представляет собой самый радикальный опыт переложений библейских псалмов в русской поэзии. Сам факт обращения советского автора к псалмам не мог не восприниматься как эпатаж. Тексты же свидетельствовали о большем. Приведу полностью сапгировский *Псалом 1*:

1. Блажен муж иже не иде на сборища нечестивых
как-то
не посещает собраний ЖАКТа
и кооператива
не сидит за столом президиума –
просто сидит дома
2. Соседи поднимают ор –
не вылезает в коридор
(не стоит на пути грешных)
3. Три страшных
удара
в дверь
– Убил! Убил! – из коридора
4. Лампу зажги
хочешь – можешь прилечь
о законе ЕГО
размышляй день и ночь
сосредоточь...

⁷ См.: С.С. Аверинцев, *Вслушиваясь в слово: три действия в начальном стихе первого псалма – три ступени зла*, „Мир Библии” 1993, № 1, с. 2.

⁸ См., компьютерные сайты в Интернете: www/runhenia.ru/60s/lianozovo/sapgir.htm; www/vavilon.ru/texts/sapgir_memo/html. Автохарактеристики Сапгира взяты с этих сайтов.

⁹ Г. Сапгир, *Избранные стихи*, Москва–Париж–Нью-Йорк 1993.

5. И вот –
дерево
омываемое потоками вод:
и ствол
и лист
и цвет
и плод
6. Весь от корней волос
до звезд
ты медленно уходишь в рост...
7. Внизу подростки – гам и свист
бьют железом по железу
один на другом
ездят верхом в пыли
– Дай ему! дай!
– ай!
– Пли! –
две пули в фотокарточку
8. – Тань! А, Тань!
Встань!
закрой форточку!

Здесь все необычно. Стихотворение, начатое с прямого цитирования торжественного, неторопливо текущего церковно-славянского стиха и, таким образом, изначально ориентированное на традицию „высокого” жанра (библейскую тематику, образность, лексику), вдруг резко изменяется – возникает новый ритм, появляются необычные интонации, трансформируется синтаксис. Напрямую включается обыденная речь, радикально минимизирующая инерцию „высокой” традиции. Возникшая языковая гетерогенность концептуирует далее все элементы текста. Со второго стиха первой строфы начинает формироваться иная реальность (не без оглядки на библейскую), где на первый план выступает экспрессивная гротесктная коммунально-„барачная” конкретика.

Современное литературоведение относит Г. Сапгира к школе конкретной поэзии¹⁰. Школа сформировалась в начале 60-х гг. на основе лианозовской группы – одного из первых неформальных объединений поэтов и художников послесталинской эпохи, куда входили Евгений Кропивницкий, Игорь Холин, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов, художник Оскар Рабин, др. Конкретисты, намереваясь „писать реальность” так, как она есть, „в упор”, в новых условиях актуализировали принципы работы со словом, характерные для

---

¹⁰ См. об этом: А.И. Журавлева, В.Н. Некрасов, *Пакет*, Москва 1996; М.Н. Айзенберг, *Взгляд свободного художника*, Москва 1997; В.Г. Кулаков, *Поэзия как факт*, Москва 1999.

формалистов, обэриутов, экзистенциалистов. Они объявили войну „шаблонам и пошлым стереотипам повседневной речи и пропаганды”¹¹, введя их в... поэзию. Разрабатывая „поэтику беспощадного показа”, конкретисты создавали свою минималистскую эстетику „простоты”.

Сапгир, как многие „лианозовцы”, имел свой „опыт страшной жизни”, он знал быт „homo sovieticus” изнутри, в его неприглядной „барачной” обыденности, разъятости, разбитости. („Мы... видели всю подноготную, какая страшная Россия, какая она бедная... мы видели вокруг себя жизнь на грани жизни и смерти. И ее надо было выразить”). Но не только такую жизнь видели молодые поэты. Было в ней и иное – „и цветок, и ветка, и мысли, которые в нас...”, т. е. лиризм, поэзия, философия. Возникало неудержимое стремление вырваться из хаоса гнетущего быта, прикоснуться частью своего духа к Высшему. И это – иное – тоже хотелось „выразить”. Внутреннее напряжение росло, достигало критической точки, требуя своего художественного воплощения. Нужна была новая форма, которая, как считал автор, всегда обязательно конкретна – и по отношению к содержанию, и как „выражение сгустка данной личности”.

Обретению своего пути в некоторой мере помог опыт древнего псалмопевца Давида. В *Псалтыри*, пронизанной непосредственными эмоциями ветхозаветного человека – ненавистью, любовью, ужасом, восторгом, поэт нашел обостренную экспрессивность. Псалмопевец – человек, предельно искренний, страстный, обнаженный в выражении своих чувств. Здесь было чему поучиться. Очевидно, это одна из причин обращения автора к ветхозаветной лирике.

Изначально Г. Сапгира волновала принципиальная онтологическая проблема – проблема взаимодействия быта и бытия. Он упорно искал способы для ее адекватного воплощения в поэзии и находил их в сложных переплетениях традиционного и авангардного начал. Его поиски оказались близки тому направлению в литературе, которое впоследствии получило название „постмодернизм”. Сам Сапгир, превосходно знавший цену „обнаженного” слова и явно тяготевший к виртуозным словесным экспериментам, формотворчеству называл себя то формалистом, то акмеистом, то экспрессионистом, то позже – в 90-е гг. – постмодернистом. Именно постмодернизм с его эклектизмом, „сплошной цитацией”, установкой на коллажирование текстов, с подчеркнутым корреспондированием авторского слова слову „другого” (нередко принадлежащего к языку иной культуры), и давал возможность поэту в новое время по-своему – без пафоса, а порой, с намеренным примитивизмом, иронией, даже брутальностью (в ряде переложений используется обсценная лексика) – выразить свое понимание бытия.

Стихотворение Сапгира, на первый взгляд, как переложение псалма не воспринимается. Оно необычно, намеренно эпатажно. Тем не менее, в боль-

---

¹¹ Д. Я н е ч е к, *Теория и практика концептуализма у Всеволода Некрасова*, „Новое литературное обозрение” 1993, № 5, с. 197.

шей части своей оно непосредственно соотносится с текстом источника. Поэт, бесспорно, опирается на смысл первых четырех стихов библейского псалма

1. Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не себде;
2. но в закони Господни воля его, и законе Его поучится день и ночь.
3. И будет яко древо, насажденное при исходящих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет и вся, елика аще творит, успеет.
4. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветр от лица земли.

Параллельно голосу ветхозаветного псалмопевца, мерно повествующего о „муже блаженном”, который „не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе” звучит протокольная интонация собраний 60-х гг. „как то не посещает..., не сидит..., не вылезает...”, т. е. абсолютно ни во что не вмешивается. Глаголы почти те же. Но смысл совершенно иной. Нет мудрого древнего благоразумия и благочестия. Вокруг царит беспредел, приводящий к трагедии: „Убил! Убил!” Но даже убийство оказывается явлением слишком обыденным – событие не подвигает к действию. Нечестивые творят свои гнусные дела, „блажен муж”, не взирая ни на что, размышляет день и ночь о законе. Ситуация доведена автором до трагикомического абсурда. Причем сделано это кратчайшим путем – минимизацией изобразительно-выразительных средств.

Сапгир вводит в стихотворение слова и образы, до предела исчерпанные, истертые постоянным употреблением. Он склеивает разные фрагменты, смешивая ветхозаветные стихи с их многовековой литургической историей и речевые штампы, шаблоны, междометия, восклицания, характерные для повседневного общения, переносит акцент на контекст. Достигает удивительного эффекта – в коллажированном тексте, благодаря деталям, голосам, интонациям..., начинают размываться пространственно-временные границы, разные реальности интегрируются, как бы прорастают друг в друга. Острое чувство осознания драматичности происходящего в настоящем обесценивает заветы прошлого. При этом псалтырный текст не фон, а участник в диалоге с современностью. Но, как и его партнер, он абсолютно обнажен. Есть только слова, обозначающие понятия и действия. Никакого ореола – ни сакрального, ни общекультурного. Оказавшись в конкретной ситуации, псалтырный текст не только сам характеризует, но и получает в свою очередь нелицеприятную оценку. Внешне обезличенная позиция автора представлена при этом не менее определенно, чем, например, позиция традиционного лирического героя, ассимилированного с поэтическим „Я”.

Центральный образ в стихотворении, как и в псалме, образ „блаженного мужа”, традиционно соотносящийся с образом библейского дерева. В книгах Священного Писания, как известно, дереву отведена немаловажная роль. Символика дерева развивается в Библии в трех основных дискурсах – как Древо жизни, Древо Царства Божия, Древо Креста. Так, ветхозаветная Книга

бытия помещает в первобытном раю дерево жизни, плод которого сообщает бессмертие (Быт. 2:9, 3:22). В пророческой эсхатологии святая земля описывается как вновь обретенный рай, чудесные деревья которого будут давать человеку пищу и исцеление (Откр. 22: 2). В Новом Завете Царство Божие, выросшее из зерна горчичного, становится огромным деревом, в ветвях которого укрываются птицы небесные (Матф. 13: 31). В восточной патристике вечное „дерево жизни” с неувядающими листьями, приносящее добрые плоды, которому не страшны никакие испытания, никакие природные катаклизмы – это и есть то осязательное проявление жизненной силы, которую Творец распространил в природе. Эти дискурсы не нашли своего выражения в авторском тексте. Поэт ограничился акцептацией непосредственного псалтырного уподобления праведника зеленеющему дереву. При этом ему удалось создать удивительно органический символ:

5. И вот –
 дерево
 омываемое потоками вод:
 и ствол
 и лист
 и цвет
 и плод
6. Весь от корней волос
 до звезд
 ты медленно уходишь в рост....

выразительный до такой степени, что ощущается динамика живого роста. (Сапгир: „Творили... глазами души, для роста и совершенствования собственной сути”).

Напомню, что дерево – это не только библейский, но и фундаментальный культурный символ, репрезентирующий вертикальную модель мира, символ упорядоченности мироздания, центр мира. Дерево, согласно Элиади, – точка соприкосновения имманентного и трансцендентного. В стихотворении метафора дерева произвольно вводит идею сквозной – от корней до кроны – логики развития мироздания. В то же время семантика ветхозаветного дерева символизирует традиционную культуру – тотально логоцентристскую, т. е. основанную на акцептации универсальной закономерности мироздания, понятой в духе детерминизма. Такая культура диктует человеку линейное видение мира: „у многих людей дерево проросло в мозгу” (Делез и Гваттари. *Rizome*. Р., 1976): „Весь от корней волос/до звезд/ты медленно уходишь в рост...”.

В стихотворении феномен логоцентризма десакрализуется. Логос – линейность – однозначность – предсказуемость – все это элементы традиционной (рациональной и гармоничной) культуры. Реальность же выходит за рамки регулируемой логосом сферы разумного и соразмерного. Размышление праведника о Его законе актуализирует „длинную” память культуры и цивилизации, которая декалькирует, переводит, репрезентирует свои концепты.

Но, как оказывается, то, что она переводит, действует издалека, невпопад, несвоевременно.

„Блажен муж” Сапгира – это муж размышляющий, возносящийся на высоты абстрактного знания. Но ситуативно он абсолютно беспомощен. Агрессивное коммунальное окружение превратило его в пассивное, бесконфликтное существо. Убивают его память („две пули в фотокарточку”), он безмолвствует. Замкнувшись в пространстве своей комнаты („закрой форточку”), он бездействует. Библейское дерево, символизирующее духовный рост, помещенное (вместе с „мужем блаженным”) в „барачный” контекст, обретает трагикомические коннотации.

Сапгир свободно варьирует, „раскачивает”, диверсифицирует культурные формы и смыслы. Тяготея к эксперименту в творчестве, виртуозно владея словом (В. Кривулин: „жил и писал играючи, взახлеб, весело”), он вместе с тем никогда не считал искусство забавой или развлечением. Он неизменно подчеркивал, что своими стихами стремится передать „некую реальность”, которую видит за „очевидной реальностью” повседневного быта. „Деформация реальности”, считал автор, способна открыть истинную сущность.

В *Псалме 1* можно наблюдать как раз такую гетерогенную реальность. Здесь присутствует дисгармоническая реальность, определенная поэтом как „очевидная”. Для ее выражения мастерски использованы альтернирующий ритм, верлибр со спорадическими, как бы случайными рифмами, неупорядоченная строфа, фонетические диссонансы, автология, игнорирование нормативных знаков препинания, парцелляция и мн. др. Здесь также присутствует не менее „очевидная” гармоническая ветхозаветная реальность с ее номинативами, существующими в длинной исторической памяти человечества, но не актуализированными сознанием „homo sovieticus”. Наконец, в игровом столкновении, ироническом смешении разнородных пластов возникает еще одна „некая иная реальность” – поэтическая индивидуальная реальность художника, где господствует всеспасающая ирония, соединившая конкретизированную сиюминутность быта с метафизическим (и, может быть, даже религиозным) восприятием бытия. Ирония и дает возможность автору уйти от банальности и однозначности оценок.

Анализ *Псалма 1* показывает, что перед нами не просто эпатажный опыт обращения советского автора к официально игнорируемому древнееврейскому источнику и не очередная (из многочисленных в истории русской поэзии) реанимация библейского текста. Своеобразие Сапгира состоит в экспрессивном творческом осмыслении псалтырных тем и концептов как явлений жгучей современности. Его псалмы, конечно, не традиционные перевод или переложение. Это самобытная интерпретация ветхозаветного источника, воплотившая художнический взгляд, определяемый во многом эстетикой конкретизма. Амбивалентное взаимодействие двух планов – ветхозаветного и современного, дала возможность соединить в едином тексте многовековую религиозно-культурную рефлексию и безысходную абсурдность сегодняшнего

повседневного существования. Намеренная конкретизация быта приобрела дополнительную остроту на фоне многовекового молитвословия. Обращение к псалтырному тексту определялось также потребностью, в который раз (!) взглянуть на сущность человеческую – неизменно двойственную – праведную, устремленную в высокую духовность; нечестивую, направленную на саморазрушение. Двойственность сущности каждый раз определяет характер выбора жизненных путей, что явилось предметом философско-поэтической рефлексии в своеобразном диалоге поэта советской эпохи и древнего псалмопевца.

Намечен значимый, но лишь один из множества методов изучения развития русского псалтырного слова. Думается, его дальнейшее исследование может дать интересные результаты.